

Интервью с Верой Владимировной ГАВРИЛЮК

«МОЛОДЕЖНАЯ ТЕМАТИКА – САМАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ДЛЯ МЕНЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ»

Гаврилюк В. В. – окончила физический факультет Тюменского Государственного университета (1974 г.), доктор социологических наук (1998 г.), профессор (2000 г.), действительный член Российской Академии социальных наук (2003 год). заведующий кафедрой социологии Тюменского государственного нефтегазового университета.

Основные области исследования: социология образования, молодежи, интеллигенции.

Интервью состоялось: октябрь-декабрь 2014 г.

Вводка к интервью – это моя «зона свободы», здесь я разрешаю себе писать те или иные размышления, которые связаны с завершенным интервью. Сегодняшняя тема – новая, мне не приходилось ее обсуждать, и я не встречал ее в нашей специальной литературе. Интервью с тюменским профессором социологии Верой Владимировной Гаврилюк дает повод обсудить тему преемственности профессии «социолог». Первые слова, которые прочитала ее дочь – были «Рабочая книга социолога». Она начала учиться в Тюмени, окончила факультет социологии в Российском государственном гуманитарном университете и в 2010 году защитила там же кандидатскую диссертацию по социологии.

Несколько лет назад я написал статью «Генеалогия четырех первых поколений советских/российских социологов» [1], то была попытка дать схематизированный портрет родительских семей социологов, родившихся в период с первой половины 1920-х до конца 1950-х. Эмпирической базой этого микроисследования были рассказы 45 социологов о своих родителях и более далеких прямых родственниках. Проведенный анализ может трактоваться как культурологический поиск, направленный на понимание особенностей макросреды, в которой формировалась значительная часть представителей современного российского социологического сообщества.

Открывшийся мне мир оказался очень богатым, включающим в себя множество социально-структурных и социокультурных образований, характерных для дореволюционной России и всех периодов СССР. Генеалогические линии советских / российских социологов выходят из двух столиц, из крупных, средних и малых городов, из русских деревень и еврейских местечек. Из Западной части страны, Центральной, Южной, Северо-Западной, Уральской, из Дальнего Востока. Есть среди социологов «посланцы» семей, корни которых уходят в 16-17 века, есть – с небогатым прошлым.

Среди предков социологов — представители большого числа сословий дореволюционного российского общества (дворяне, мещане, купцы и мастера, учителя, врачи, крестьяне, священники, военные, казачество) и всех социальных слоев советского общества. Люди с прекрасным образованием, в том числе, полученном в лучших европейских университетах, но были малограмотные и совсем неграмотные. Многие участвовали в войнах, проходивших в царское время, в Гражданской войне: на сторонах «красных» и «белых», во Второй мировой. Практически по всем семьям прокатились волны постреволюционных репрессий.

Теперь, когда количество проведенных интервью достигает сотни и в анализ могут быть включены биографии социологов семи поколений, подобный генеалогический подход обещает получить еще более интересную, многоцветную картину нашего коллективного прошлого.

Одновременно, богатейшая коллекция биографических данных позволяет подойти к изучению еще одной линии в формировании нашего профессионального сообщества — появлению социологических династий, или преемственности профессии «социолог» внутри семьи. Посмотрим на фото-галерею моих собеседников http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207; с ними со всеми уже проведены интервью

В. А. Ядов и его сын Н. В. Ядов, к тому же рассказ Владимира Александровича о его покойной жене Л. Н. Лесохиной; портреты А. Г. Здравомыслова и Е. А. Здравомысловой, здесь же — интервью с ее мужем В. М. Воронковым; весьма интересен случай: В. Н. Ярцева-Смирнова, рядом фото ее дочери — Е. Р. Ярцевой-Смирновой, в другой части галереи портрет ее покойного мужа П. В. Романова и на следующей фотографии его дочь — Е. П. Романова. Добавлю, что сейчас я провожу интервью с сыном Е. Р. Ярцевой-Смирновой, он — тоже социолог, кандидат наук.

Мне также известно, что по стопам значительной части социологов, портреты которых представлены в галерее, пошли их дети. Среди них: Е. И. Башкирова, Ю. Р. Вишневецкий, Р. С. Могилевский, Г. В. Осипов, Г. И. Саганенко, Б. Г. Тукумцев, Ф. Э. Шереги. Есть здесь и фотография Ф. Р. Филиппова, о его жизни и работе рассказал сын — А. Ф. Филиппов. У внуках моих собеседников я знаю меньше, но, к примеру, социологическое образование имеет внучка Я. И. Гилинского.

Что обещает изучение преемственности профессии «социолог» внутри семьи? Прежде всего, эта тема относится к анализу механизмов формирования российского социологического сообщества. Вторая очевидная задача — выявление каналов сохранения накопленных в науке исследовательских традиций и нравственных императивов. И третье обстоятельство — преемственность профессии можно рассматривать в рамках концепции биографичности творчества социологов, которая представляется мне весьма продуктивной при решении ряда проблем историко-научной природы.

1. Докторов Б. Генеалогия четырех первых поколений советских/российских социологов // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012. № 5. С. 2-17 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_2/article_content1381307087129266file.pdf

Гаврилюк В. В.: «Молодежная тематика – самая интересная для меня в социологической науке»

Вера, мы с тобой знакомы очень давно и не помню, были ли когда-либо на «вы», так что будем как в жизни. Отвечая на мое предложение рассказать о себе, ты заметила: «... в моей жизни не было ни выдающихся предков, ни учителей-декабристов». А кто был? Как, когда твои предки перебрались в Тюменские края? Сами избрали или какая-то сила их туда переместила?

Как и многие мои ровесники, я мало знаю о своих корнях. История фамилии связана с фактом (или семейной легендой) о переселении пращуров по отцовской линии с окраины Российской империи после отмены крепостного права. Известно, что родом они были с Западной Украины и все поколения занимались не крестьянским трудом, а ремесленным. Мой дед – Илья Степанович и отец – Владимир Ильич, тоже имели «золотые руки», не было механизма, который не смог бы починить мой отец, будь то часы или трактор. Я выросла в доме, который был построен моими дедом и отцом, вся мебель была сделана ими же. У отца была два брата и три сестры, все они уехали со своей малой родины и расселились в разных городах страны – в Ленинграде, Тамбове, Алма-Ате. Поэтому с юности я могла путешествовать и знакомиться с культурой разных городов. После первой поездки в Ленинград, в пятнадцатилетнем возрасте, я окончательно и навсегда влюбилась в этот призрачный город поэтов, ученых, художников.

Со стороны мамы – Евдокии Марковны, сведения еще более скудные. Я совсем не помню своей бабушки, она умерла, когда мне было три года. А про деда знаю только, что он исчез в период сталинских репрессий и семья ничего о нем так и не узнала. Как и во многих советских семьях, в нашей оказался человек, служивший в НКВД и человек, пострадавший от этой организации.

Детство и юность мои прошли в маленьком райцентре под Тюменью, городе Заводоуковске. Из школьных лет мне запомнилась неподдельная, полная энтузиазма и зримых результатов общественная деятельность и восхитительные уроки, факультативы по математике. Математикой с нами занимался директор школы – Яков Карлович Темпель, причем без всяких скидок на возраст, нагрузки, первую любовь. В итоге, к старшим классам у него осталось на углубленной подготовке только два ученика, зато первые два года в университете, учась на физ-мате, я узнала не слишком много нового и легко решала задачи, трудные для других студентов. Что касается социальной организации, то много позже я узнала, что школа наша была экспериментальной, основной задачей эксперимента был поиск форм организации общественно-полезной работы и мотивации школьников на занятие этой работой. Возглавляла эту работу завуч школы – Нина Илларионовна Смирнова, жена первого секретаря горкома КПСС. Благодаря поддержке райкома партии, наше школьное общество «Прометей» беспрепятственно проникло во все сферы социальной жизни, мы участвовали во всем, что происходило в городе: от выборов до творческих фестивалей. Особое направление работы было связано с реальной помощью и заботой об одиноких стариках, инвалидах.

В нарушение правил, по специальному разрешению райкома комсомола, меня приняли в комсомол не в 14 лет, как всех, а в 13, и сразу выбрали секретарем комсомольской организации школы. Все это оказало на мое мировоззрение огромное влияние, я искренне верила в те идеалы, считала нашу жизнь правильной и счастливой. Будущее свое я видела в служении этим идеалам и не сомневалась, что стану математиком и «не расстанусь с комсомолом» никогда.

Первое сильное разочарование наступило в вузе, когда формализм, показничество, бюрократизм комсомольской жизни, откровенный карьеризм ее лидеров поразили меня и навсегда уничтожили стремление к общественному активизму. Это отторжение было настолько сильным, что в более зрелом возрасте я отказалась вступать в КПСС, но это уже другая история.

Ты уже упомянула, что поступила на физический факультет, это был Тюменский университет? В каком году ты поступила? Отметила, что первые два года учиться было легко, а позже? Тебе нравилось учиться, какие курсы наиболее привлекали тебя? Что кроме учебы: общественная деятельность, спорт, самодеятельность...?

Поступление в тюменский университет в 1970 году было первым большим в моей жизни поражением. В течение последнего школьного года я довольно успешно выступала на разного уровня математических олимпиадах и обучалась на заочных подготовительных курсах механико-математического факультета ЛГУ. Выбор уже был сделан, моя задача была только хорошо подготовиться к экзаменам, но именно здесь меня и подстерегла та самая случайность. На выпускном экзамене по математике мне вдруг попала задача, которую я не смогла решить, до этого я жила в уверенности, что не бывает нерешаемых задач, бывает, что не хватает времени для быстрого их решения. Даже не то, что я не получила золотую медаль по окончании школы, а сам факт невозможности решить задачу заставил меня всерьез задуматься о своем выборе. Мне легко давались все гуманитарные предметы, не стоит даже говорить о моем пристрастии к чтению, к литературе. Но нам в школе говорили, что нужно преодолевать трудности, что счастье – в борьбе, что мы не должны искать легких путей. Труднее всего мне давалась физика, может быть, поэтому я и оказалась на этом факультете. После выпускного вечера, буквально на следующее утро, в школе работала выездная приемная комиссия из ТГУ, и я довольно легко сдала экзамены на математический факультет. К моменту зачисления, к концу августа из Москвы вернулась моя ближайшая школьная подруга, уезжавшая покорять столичные театральные вузы, последовательно провалившись в несколько из них. На всякий случай, она тоже со мной из солидарности, подавала на математический факультет тюменского университета. На зачислении у нее не хватило баллов для поступления на мат-фак, и ей предложили факультет физики. Тут я, из солидарности, пошла вместе с ней на физику – мне было уже все равно.

Студенческая жизнь увлекала меня сразу, уже первые недели избавили меня от летнего страха поражения. Был и спорт, и КВН, и студенческая самодеятельность (благодаря моей подруге – «артистке») и, конечно комсомол. На первом курсе меня избрали секретарем комсомольской организации, видимо учли школьный опыт, и я с тем же энтузиазмом взялась за ту работу. Правда, мой энтузиазм быстро рассеялся при столкновении с реалиями вузовского комсомола, уже к концу первого семестра я разочаровалась, а к летней сессии

твердо решила, что с комсомолом покончено. Зато мне очень везло на учителей. На факультете, особенно на начальных курсах было очень много математических предметов, большинство из них вела у нас молодой преподаватель Нина Оськина, приехавшая в Тюмень из какого-то города в центральной России. Здесь у нее не было ни родственников, ни семьи, может быть поэтому она не жалела времени на своих учеников. Наверное, фактор времени и одиночества в чужом городе сыграл свою роль в нашем сближении, но меня привлекала ее фанатичная преданность своей науке. В университетских аудиториях, часто у нее дома мы с ней, в четыре руки расправлялись с интереснейшими задачами. Иногда, увлекшись поисками совершенного метода решения, мы замечали, что уже далеко за полночь и мне приходилось ночевать у Нины. Не думаю, что такое возможно между современными преподавателями и студентами. Когда я закончила второй курс Н. Оськина вернулась в свой родной город и больше мы не встречались.

Мне посчастливилось встретить и других, преданных своей профессии преподавателей. Это был наш психолог Юлий Павлович Строков, который уже на третьей неделе знал каждого студента по имени и фамилии и не путал их до самого выпуска (а у нас на потоке было 120 человек). Это была наш преподаватель педагогических дисциплин Лариса Ивановна Гриценко, многое из ее курсов потом пригодилось мне в овладении ремеслом преподавателя высшей школы.

Но особую роль в моей судьбе сыграла профессор, доктор философских наук Мария Гавриловна Шадрина. На втором курсе она читала у нас курс философии. Именно тогда я отчетливо поняла свое призвание, поняла, что все мои предыдущие поиски и метания между естественными и гуманитарными науками сошлись в одной точке. Сейчас я думаю, что профессиональный выбор, который делает школьник в 16–17 лет очень редко может оказаться единственно верным. Нынешние абитуриенты только укрепляют меня в этом мнении, часто сегодняшние школьники говорят: хочу быть менеджером или парихмахером. Так вот, на втором курсе, осознав свое настоящее призвание, я пыталась бросить физический факультет, даже съездила на философский факультет в МГУ. Отговорила меня от такого решения Мария Гавриловна, взявшая над мной шефство в философском кружке. Она объяснила мне, что естественно-научное образование для философа не недостаток, скорее наоборот, что многие ученые-философы пришли в эту науку из конкретных областей знания и это помогает им. Что для поступления в аспирантуру по философии базовое образование не требуется, а на кафедрах философии в провинции практически нет выпускников философских факультетов. Единственное условие, которое она мне поставила, это было условие хорошей учебы на факультете, хорошие оценки в дипломе. Это условие я выполнила, мне по-прежнему довольно легко давались разделы теоретической физики, т.к. они основаны на математических закономерностях, и блок гуманитарных дисциплин. Сложно было с практическими и лабораторными занятиями, они иногда длились по целой неделе и не всегда заканчивались положительным результатом. Неделя, с утра до вечера среди проводов и механизмов действовали на меня угнетающе, как оказалось, не только на меня. После третьего курса на нашем потоке из 120 человек осталось 66, остальные не прошли через экспериментальные лаборатории. Я выдержала требование Марии

Гавриловны и к выпуску имела не только диплом с отличием, но и самое большое количество баллов. т.е. буквально, была первой ученицей, первой в списке на распределение выпускников.

Ты отметила: «... не стоит даже говорить о моем пристрастии к чтению, к литературе». Почему не стоит? Во-первых, активное чтение – явно не универсальная черта тинэйджеров, во вторых, а что ты читала? Заводоуковск – городок небольшой, в 1970 г. там жило менее 20 000 человек, в нем была хорошая библиотека?

Ничего удивительного в этом нет, мое детство прошло в дотелевизионную эпоху. Первый телевизор на нашей улице появился в середине 60-х (он стоил две месячные зарплаты отца), вечерами все соседи собирались «на просмотр», живо интересовались телепрограммой, вещания в городе хватало часа на 2–3. Вероятно, это было связано с мощностью городских ретрансляторов и какой-то другой техники. К этому времени я уже была активной читательницей. Хорошая ли была библиотека, мне судить трудно, я тогда не знала других, а оценивать с сегодняшней точки зрения – бессмысленно. Помню, что крупных городских библиотек было две: детская и взрослая, кроме того, были мелкие библиотеки в клубах и школах. Мне было удобно ходить в городские библиотеки. Мои детские книжки, как у всех – приключения, подвиги, чужие миры. Жюль Верн, Майн Рид, Джек Лондон, А.Дюма, А.Беляев, братья Стругацкие, С. Лем, Р. Брэдбери... Это была эпоха первых космических полетов, романтика поиска искусственного интеллекта, безусловная вера в могущество науки и прогресс. В подростковом возрасте я читала европейскую классику, особое влияние на меня оказал О. Бальзак. Сейчас, с высоты жизненного опыта, я понимаю свое отношение к этому писателю. Жизнь в маленьком городке, в российской провинции и сегодня кажется молодому человеку ненастоящей, скучной и однообразной. Кажется, что подлинное значение имеет только то, что происходит в центре, в столице. Именно там кипит жизнь, там возможен успех, там ждет тебя слава и признание. Только в столице можно «кем-нибудь» стать. Бальзак для меня был учителем в поиске путей и методов проникновения в столичную жизнь. Правда, уже тогда я интуитивно догадывалась, что не все способы, описанные в его романах так уж нравственны.

Русская классика пришла ко мне лет с 15, я и сегодня считаю, что она более сложна, чем европейская литература того же периода. Моим самым любимым писателем юности стал А.П.Чехов, и потом я не раз возвращалась к его гениальным работам, а в первый раз прочитала все, что было им написано, даже письма и варианты, исправленные писателем позже, благо в библиотеке были представлены полные собрания сочинений. Странно, но наиболее социализированный писатель из русской классики – Островский, совершенно не затронул моей души. Его пьесы, после романов О.Бальзака, казались мне упрощенной копией нравов эпохи. Очень постепенно я доросла до Ф.М.Достоевского, пожалуй, после «Бесов» мне стало казаться, что классическая литература закончилась.

Это верно, прочитанное нами в юности многими способами детерминирует наше развитие, наши планы... На А. Эйнштейна Достоевский оказал большее влияние, чем работы Римана и Лобачевского, а тебя, похоже, Достоевский «двигал» в философию... Итак, с отличием завершена физфак, что дальше: «физика или лирика»?

Дальше – все просто. Когда я училась на 4 курсе, моя статья, в числе трех студенческих докладов была принята на региональную конференцию молодых ученых. Секцию философии вел уже известный тогда ученый – профессор Селиванов Федор Андреевич. По окончании конференции он подошел ко мне и сказал: «Я бы взял тебя на свою кафедру, но сейчас у меня нет мест». Это было время, когда в науку стремились многие молодые люди, был избыток способных и желающих заниматься ею. Вероятно, это наилучшая ситуация для развития любой отрасли знания. В ТГУ мне тоже сразу не могли предложить преподавательскую должность, и я согласилась на место лаборанта. Правда, мне сразу дали возможность вести семинары по философии в двух учебных группах. А через два года, когда я, наконец дождалась место в целевую аспирантуру (по иронии судьбы снова в Ленинграде), позвонил Ф.А.Селиванов и сказал, что появилась вакансия ассистента, и он ждет меня завтра с документами. На кафедре философии в Тюменском индустриальном институте я проработала 11 лет, сначала ассистентом, а потом доцентом.

В конце 80-х я вернулась в ТГУ на вновь открытую кафедру Социологии, а последние десять лет работаю в нефтегазовом университете. Вся моя творческая биография уместилась в две записи в трудовой книжке: Тюменский государственный университет и Тюменский индустриальный институт, переименованный сейчас в Тюменский нефтегазовый университет.

Ты поступила в университет в 1970 году, таким образом, из сказанного тобой получается, что на кафедру социологии ты пришла в 1979 или 1980 году. Скорее всего, кафедра не была выпускающей, кому вы преподавали социологию? Какие курсы ты начала вести?

На кафедру философии меня приняли в 1976 г., где я и работала до 1989 г., читая диалектический и исторический материализм. А в классический университет я перешла на вновь открытую выпускающую кафедру Экономики и социологии труда, которая готовила экономистов-социологов. Такая была специальность. Кафедра была открыта новым ректором университета, уже известным тогда социологом Геннадием Филипповичем Куцевым. Он пригласил Клару Григорьевну Барбакову из ТИИ на заведование кафедрой, и она вместе со своей уже сложившейся командой молодежи (я в их числе) создавала эту кафедру.

А что с аспирантурой, точнее работай над кандидатской диссертацией?

Диссертацию я защитила в возрасте 27 лет, в Казани и по педагогике. Когда Ф. А. Селиванов пригласил меня ассистентом на свою кафедру философии, я рассказала ему ситуацию с аспирантурой. Он мне сразу, по –взрослому, объяснил, что его эта проблема не касается, что я должна защитить диссертацию, а где и даже по каким наукам – ему безразлично. Мой научный руководитель, М. Г. Шадрина, к тому времени уже уехала из Тюмени, и выбор у меня был небольшой. Меня пригласил к себе в аспирантуру профессор Владимир Ильич Загвязинский, зав. каф. педагогики ТГУ. Он занимался методологией педагогики, и мне эта тематика оказалась близка, т.к. познание, формирование субъекта познавательной деятельности в обучении (такова была тема моей кандидатской) были на стыке философских подходов и практической педагогической работы. Из практической части мне было интересно изучить новый опыт «задачного» как

тогда называли подхода в обучении гуманитарным и социальным наукам. В индустриальном институте в это время, на кафедре этики активно развивалось новое направление – направление прикладной этики, где решению задач из сферы этики, морали было стратегическим в процессе обучения. Очень интересная была команда во главе с молодым ученым Владимиром Иосифовичем Бакштановским. Он сумел вызвать жесткую полемику в среде ученых, занимающихся проблемами этики и морали своими нетрадиционными подходами. В общем, мы были в гуще событий, разработали и провели несколько успешных деловых игр для высшего партийного и производственного менеджмента, выпустили несколько сборников задач по этике для студентов вузов. Мне в этих сборниках отводилась роль педагогической, методической «инструментовки», т.е. преподаватели этики собирали тексты, а я должна была придумывать к ним задания. Так выросла моя кандидатская диссертация.

Вера, ты понимаешь, из-за продолжительной и тяжелой болезни Клары Григорьевны Барбаковой я не могу провести с нею интервью. Ты многие годы работала с ней, пожалуйста, напиши о ней, она многое сделала для развития социологии в Тюмени...

С Klarой Григорьевной Барбаковой я познакомилась на кафедре философии Тюменского индустриального института. В то время, в 70 –е годы, это была мощная, интересная кафедра с самобытными, талантливыми людьми, большая часть которых потом разошлась в самостоятельное плавание по вузам города и региона, защитив докторские диссертации. К этому времени В. И. Бакштановский уже сформировал свою кафедру этики и эстетики, защитив докторскую диссертацию в 37 лет, что было необычно для советской философии, он был одним из самых молодых докторов философии в СССР. Он и его молодая команда не боялись острых проблем, главной из которых стала проблема морального выбора, личной ответственности человека в реальных социальных условиях. Это было не просто смело в эпоху стагнирующего социализма, тотального социального контроля, безусловного коллективизма и повсеместного «двоемыслия», но и ново. Конечно, это не могло меня не привлекать.

Kлара Григорьевна в это время занималась своей докторской диссертацией, поэтому какое-то время мы были вне зоны взаимного внимания. И только после защиты диссертаций, когда Клара Григорьевна стала проводить социологические исследования в регионе, она привлекла меня в свою тогда еще немногочисленную группу. Это было время, когда складывались основные принципы тюменской социологической школы, и основной тон задавала здесь именно Клара Григорьевна. К началу 80-х в Тюмени уже существовали несколько социологических групп и лабораторий, даже был первый опыт систематического социологического образования в вечернем университете марксизма. Преподавал там приезжий философ Юрий Михайлович Федоров (позже ставший первым председателем регионального отделения российского общества социологов) и Клара Григорьевна. Я посещала эти лекции и мне они очень помогли в дальнейшей моей судьбе. То, что у меня не было профильного образования, в разные периоды моей жизни по-разному мешало мне, но это давало и определенный стимул для освоения все новых смежных с философией областей, может быть определило и мое непреодолимое стремление узнать как можно больше.

Клара Григорьевна сумела объединить вокруг себя практически всех молодых исследователей из университетских и промышленных лабораторий, заинтересованных в изучении важных для региона социальных проблем. Для этого она не жалела ни времени ни сил, проводя бесчисленные проблемные семинары, конференции, школы молодых ученых. Изначально ее работы были нацелены на поиск и решение таких социальных проблем, которые важны для нашего тюменского Севера, региона нового промышленного освоения. При этом, любой проект непременно должен был завершаться предложениями для региональных властей о преодолении рисков, разрешении сложных проблемных ситуаций.

Это стало отличительной чертой тюменской социологической школы – тесное сотрудничество с властями, исследование реальных социальных проблем территории с выработкой рекомендаций. Наверное, мы все тогда были романтиками, уверенными, что задача науки не только познать мир, но и изменить его.

Клара Григорьевна понимала, что новое социологическое направление исследований, вряд ли сможет долго существовать в рамках кафедры философии, поэтому огромное внимание уделяла творческому, профессиональному росту своих учеников и последователей. У нее сложился широкий круг профессиональных контактов, и она приглашала известных ученых из Москвы, Ленинграда, Минска, Екатеринбургa, Перми и других центров, где были социологические лаборатории и проводились социологические исследования. Конференции, школы которые проводила Клара Григорьевна, сыграли, на мой взгляд, решающую роль в формировании слоя социологов-исследователей в нашем регионе. Круг вопросов, которые изучались тогда нами был чрезвычайно широк. Только тематики проведенных по инициативе Клары Григорьевны Барбаковой конференций говорит о проблематике первых серьезных исследований в регионе. В восьмидесятые – девяностые годы в Тюмени проводится целый ряд областных, Всероссийских и международных конференций: «Территория ведомства – человек: социально – демографические и социально-политические аспекты» (всероссийская, 1981); «The role circum – polar universitiec in normern de vtler ment» (международная, 1981); «Производство – быт – семья» (областная, 1981); « Взаимодействие отраслевых и региональных проблем в социальном развитии нефтегазового комплекса» (областная, 1985); «Проблемы совершенствования социальной и поселенческой структуры районов нового промышленного освоения в условиях ускорения социально – экономического развития» (областная, 1987); « Социально-экономические проблемы молодежи районов нового промышленного освоения» (областная, 1987); «Социологическое обеспечение стабилизации трудовых коллективов в условиях хозрасчета» (областная, 1989); «Социально-экономические и социокультурные детерминанты развития личности в условиях интенсивного развития северного региона» (международная, 1990); « Молодежь и рынок» (международная, 1992); «Социально-экономические проблемы региона в переходный период» (областная, 1998). К сожалению, период социально-экономических реформ, экономический кризис, привели к разрушению структур промышленной социологии в регионе – к началу девяностых годов не осталось ни одной социологической лаборатории на предприятии. Вузовская же социология продолжала развиваться, в 1988 году в Тюменском государственном университете была создана кафедра экономики и социологии труда.

Неудивительно, что приехавший в качестве ректора тюменского государственного университета уже известный к тому времени социолог – Геннадий Филиппович Куцев, не сомневался в выборе заведующего при открытии первой в Тюмени кафедры Социологии. Так мы оказались в ТГУ.

Сквозной, базовой проблемой была и остается для нашего региона проблема человека на Севере.

По своим человеческим качествам Клара Григорьевна остается для меня непревзойденным образцом жизнестойкости, оптимизма, неподдельного интереса к людям. Она вырастила не одно поколение тюменских социологов, была председателем диссертационных советов по социологии в ТГУ, потом в ТГНГУ.

Клара Григорьевна, при своем государственном, стратегическом мышлении, никогда не забывала об отдельном, каждом человеке. Я много раз убеждалась в том, что ее заботит и судьба молодого аспиранта и проблемы состарившегося доцента, который должен уйти на пенсию и при этом не знает, как ему на нее прожить. И еще одно качество, которое является редким во все времена, а не только в наши прагматичные дни, я не могу не отметить в характере Клары Григорьевны: она самый верный друг. Те люди, которые попали в ее ближний круг, могли быть уверены, что она не предаст, всегда поможет и никогда не побойтса, что это ей может принести какие-то неприятности.

Вера, полностью согласен с твоим рассказом о Кларе Григорьевне, я ей буду всегда благодарен за ее добро.

Вернемся к моменту твоего завершения кандидатской диссертации. Что последовало за этим? Как и почему ты приблизилась к социологии, какие темы показались тебе интересными, перспективными?

Как многие молодые люди, я в юности интересовалась собой, решала вечные вопросы о смыслах, о том, что есть «Я» и в чем мое жизненное предназначение. Моя самая первая статья (1975 год) называлась «Самопознание как фактор нравственного самовоспитания» и была опубликована в сборнике материалов конференции по этике. Именно на этой конференции я познакомилась с моим тогдашним кумиром, крупным советским философом Валерием Николаевичем Сагатовским. Его «Систематизация всеобщих категорий» поразила меня тогда не меньше, чем гегелевские работы, а его научно-популярная книжка «Вселенная философа» постоянно лежала на моем рабочем столе. (Кстати, потом, много позже, я попросила уже потрепанную эту книжку моей юности подписать, что он и сделал с большим, по его словам удовольствием). На этой же первой серьезной в моей жизни конференции я познакомилась и с Юрием Михайловичем Федоровым, который тоже сыграл немалую роль в моей научной биографии, и еще со многими известными философами, этиками. Тогда я еще не работала на кафедре философии.

Неудивительно, что команда В.И.Бакштановского была мне интересна, тем более, что в ней я могла искать ответы на второй, главный в то время для меня вопрос – как человек познает этот мир, почему один достигает успеха, а другой там и остается в неведении и плену заблуждений. Тогда мне казалась, что главные причины кроются в образовании, в системе обучения и если правильно выстроить образовательный процесс, то человек дальше сам будет искать истину,

причем всегда. «Познавательные задачи как средство формирования субъекта познания в обучении» – так называлась моя первая диссертация, я уже рассказывала, как она рождалась.

Потом, после защиты диссертации, постепенно собственно внутренние (педагогические) условия обучения стали интересовать меня меньше, чем влияние социума на познавательную активность человека. Дальше и процесс познания отошел от первых ролей в связи с интересом к социальной активности. Именно в это время Клара Григорьевна с группой молодых и не очень молодых преподавателей начинала проводить исследования на нашем тюменском Севере, куда приезжало огромное количество молодежи из разных регионов Советского Союза. Они, эти молодые люди, приезжали в новые северные города осваивать нефтяные и газовые промыслы и несли с собой опыт своих национальных и территориальных культур, надежды на быструю карьеру в новых городах, мечты о последующем обеспеченном северными заработками, будущем в своих родных городах и республиках. А часто оставались в этих городах навсегда, и сегодня не только их дети получили образование в тюменских вузах, но и подросли внуки. Тюменский Север в 70–80-е годы развивался бурно, был конгломератом культур и непростых социальных процессов. В новых городах социальная инфраструктура значительно отставала от роста населения, бытовые условия, практика семейных отношений, отношение к северной природе и прочее, выстраивались с позиции временного проживания, доминировала психология «временщика». Все это заботило региональные власти. Именно поэтому все первые социологические исследования были крайне востребованы, сразу обсуждались во властных структурах и немедленно использовались в управленческой практике. Так же относились к социологическим исследованиям и руководители крупных предприятий, промыслов. Какой исследователь не мечтает, чтобы результаты его трудов были нужны и востребованы практикой!? Конечно, все это не могло не привлекать молодежь в команду Клары Григорьевны. Исследования на тюменском Севере были сопряжены и с большими трудностями: удаленность (часто, после перелета до какого-то северного города, для проведения опросов до респондентов надо было ехать на вахтовых машинах или лететь на вертолете), температурные перепады, северные ветра, полярная ночь... Этот опыт оказал решающее влияние на мой дальнейший выбор – я решила, что именно социология – мое будущее, и с этого времени я не изменяла своей судьбе.

Мне кажется удачным «портрет» К. Г. Барбаковой, а не могу ли я попросить тебя написать о Юрии Михайловиче Федорове?

Юрий Михайлович Федоров появился в Тюмени в середине 70-х годов, он был назначен начальником Первой кафедры в военном училище (ТВИКУ). Это была кафедра общественных наук, где читались все предметы социального и гуманитарного цикла. Его появление в городе не могло остаться незамеченным: он приехал из Москвы, дружил с известными философами, этиками, социологами – привнес свежий столичный ветер в нефтяную провинцию. Кроме того, он был очень красивым мужчиной, что в гуманитарной тюменской среде вызвало легкое смятение, к сожалению тюменских дам – его поведение было безупречным. Неудивительно, что здесь, в Тюмени он быстро сошелся с самой творческой частью интеллигенции. Именно по инициативе Юрия Михайловича

Федорова в Тюмени состоялся первый опыт социологического образования. В вечернем университете марксизма-ленинизма при Доме политпросвета был открыт 2-х годичный факультет социологии. На этом факультете читали лекции сам Юрий Михайлович и Клара Григорьевна Барбакова. Я посещала эти занятия, это был мой первый опыт систематического изучения социологии.

Юрий Михайлович стал инициатором объединения энтузиастов новой науки и зарождающихся социологических групп. В это время они активно формировались на промысловых предприятиях нефтегазовой отрасли, зарождалась «заводская» социология, появлялись отдельные исследования в многочисленных НИИ. Тюменское филиал Сибирского отделения Советской Социологической Ассоциации возглавил именно Юрий Михайлович, он был первым его председателем достаточно долго, позже его возглавила Клара Григорьевна Барбакова.

Широта научных интересов Юрия Михайловича была какой-то несовременной, скорее средневековой – он не вводил границ между отраслями знания, его привлекали проблемы этики, социологии, конфликтологии, социальной философии, методологии познания. Он свободно говорил на нескольких языках, писал стихи на русском и азербайджанском (его родиной был город Баку). Он очень любил Баку, считал его самым интернациональным городом, гордился своей причастностью к восточной культуре. Будучи человеком военным, он не мог свободно выбирать, где жить и работать. Меня всегда удивляло несоответствие его абсолютно свободного духа и принадлежность к закрытому военному сословию, где беспрекословное подчинение – неотъемлемый атрибут профессии.

Когда начались радикальные перемены в стране, Юрий Михайлович сразу уволился из армии, и уехал в свой Баку. Правда, перестройка принесла нам не только желанную свободу. Будучи человеком активным, Юрий Михайлович не мог не участвовать в реальных социальных процессах. Он смог рассмотреть в нарастающем напряжении в Карабахе угрозы серьезного конфликта, разработал сценарный прогноз событий в этом регионе, предложил несколько реальных выходов из надвигающегося катаклизма и подал свою записку в тогдашнее ЦК КПСС Азербайджана. Этот шаг гражданина и ученого вызвал серьезное раздражение в среде партийного руководства. Я не знаю подробностей, событий, которые сопровождали этот период его жизни – он не любил рассказывать об этом. Знаю только, что через некоторое время он вернулся в Тюмень и остался здесь навсегда. В Тюмени он не стал повторять свой опыт с партийными чиновниками, но очень четко спрогнозировал развал Тюменской области на три субъекта федерации, когда произошло отделение нефтяной и газовой провинций от Юга области. Этот сценарий воплотился в деталях, и долгие годы, до сего дня, мы преодолеваем последствия этих политических решений.

Второй приезд Юрия Михайловича был связан с резкой переменой его научных интересов, он полностью углубился в философию. Самыми значительными трудами его жизни стали «Универсум морали» и трехтомник «Сумма антропологии». Эти его работы были сразу закуплены библиотекой Конгресса США. Мы, тюменские коллеги не сразу и не все сумели оценить смыслы его теории, она и в изложении была очень непростой. «Начало человеческого существования трансцендентно, конец – рационален. Человек рождается в Символе и умирает в Термине, рождается в свободе Духа и умирает в необходимости Тела,

рождается Субъектом и умирает Объектом». Его стремление к свободе, погружение в необходимость, поиск трансцендентного начала увели его от социологических изысканий, но сделали настоящим глубоким современным философом.

Юрий Михайлович, к сожалению, рано ушел из этой жизни, ему было немного за 60, «Сумма антропологии» была последним его трудом.

Итак, участие в «живом» социологическом исследовании увлекло тебя, и ты поняла, что социология более тебе по душе, чем философия. С чего собственно началось освоение новой, понятно, что не совсем, для тебя науки? Какие области, направления социологии тебе показались наиболее интересными?

Сказать, что «по душе», ни в то время, ни сегодня, я не рискну. До сего дня я считаю философию самой прекрасной из наук. Мир чистого разума, бескорыстного поиска истины, высоты чистой логики – так я вижу эту науку. В преподавании же марксистско-ленинской философии меня немного угнетал догматизм и идеологизация науки. Я не собиралась «бороться с режимом», выступать за свободу научного творчества и т. п. – мне для этого не хватило бы ни профессионализма, ни гражданской активности. В философии я так и осталась любителем мудрости. Социологические исследования давали возможность посмотреть на реальную жизнь, настоящие социальные процессы не с позиции идеологии, а объективно, где обобщения рождались из повторяющихся фактов, а не идеологических схем.

Первые проекты, в которых мне довелось участвовать, и были направлены на выяснение этих устойчивых связей и, конечно были связаны с молодежной тематикой. Тюменский Север тогда был абсолютно молодежным регионом, например, в одном из самых северных городов области – Новом Уренгое, где проживало уже более 100 тысяч населения, средний возраст жителей был 24 года. Освоение нефтяных и газовых месторождений для них было испытанием их жизненных сил, способом заработать для себя на жизнь «на земле», реализовать романтические мотивы покорения новых просторов. Это было время и место быстрых карьер, большой дружбы, солидарности, пробных браков, этнической толерантности. Большинство приехавшей молодежи не связывало свои отдаленные жизненные перспективы с тюменским Севером, рассматривали свою жизнь там как временную работу, соответственно и отношение к условиям жизни, природе, инфраструктуре было отношение «временщика». Кроме того, в регионе, особенно в районах добычи, широко был распространен вахтовый метод работы. Нельзя забывать и о том, что тюменская область всегда была местом ссылок, тюрем и лагерей. Кроме того, освоение тюменского Севера для социолога было еще и полем исследования отношений между пришлым и автохтонным населением. Коренные народы Севера, со своим традиционным укладом жизни, культурой, отношением к природе, способами хозяйствования никак не вписывались в практику нового промышленного освоения.

Молодежная тематика навсегда осталась самой интересной для меня в социологической науке.

Ты обозначила очень широкое проблемное и одновременно – исследовательское поле. Какие участки этого поля ты начала сама обрабатывать? Какими были первые урожаи (результаты исследований)? Насколько я помню твоя докторская диссертация тоже касалась молодежной проблематики. Так ли это?

Начинала я с того, чем сейчас запрещаю заниматься студентам, с ценностных ориентаций молодежи. Тогда было очень важно для региона выявить с чем, с каким багажом прибывают на тюменский Север все новые и новые комсомольские отряды. Конечно, кроме собственно ценностных ориентаций, мы изучали мотивацию труда, а также влияние на эту мотивацию форм его организации, включая вахтовые формы. Потом, значительно позже наших первых исследований мы познакомились с настоящей социологической методологией по этим проблемам, а вначале, как неопиты, начинали с анкеты. Инструментарий придумывали сами, обрабатывали сначала вручную (та еще была работа!). Клара Григорьевна прикладывала все силы, чтобы мы, молодежь, быстро росли, старалась знакомить нас с состоявшимися социологами. Так среди нас появился Георгий Петрович Давидюк, известный белорусский социолог, автор первых справочников по прикладным методам социологического исследования. С этого времени мы наши анкеты обрабатывали на ЭВМ в Минске, приходилось их туда отвозить, а обратно нам возвращали предлинные рулоны лент, которые мы учились читать и анализировать.

Научные мои интересы были по-прежнему связаны и с системой образования. В северных командировках я сталкивалась с необычными для крупного города проблемами в этой сфере: малокомплектные школы, школы-интернаты для детей коренных народов Севера, новаторское движение в школах молодых северных городов. Особенно меня поражало сверхбережное отношение школьных учителей Севера к сохранению и укреплению здоровья детей, целый ряд программ были направлены на это. В период перестройки и, особенно в 90-е годы начались радикальные перемены, особенно это заметно в сфере профессионального образования. А докторская моя диссертация была связана со становлением и развитием системы образования региона, это был уже 1998 год.

Уточни пожалуйста, 1998 год – это начало или завершение работы над докторской диссертацией. Как она называлась, что удалось в ней показать?

1998 год – это год защиты. Работа назвалась «Становление и функционирование института образования: региональные аспекты». Несмотря на довольно скучное название, диссертация была на достаточно живом, актуальном материале. Это было некое обобщение моих многолетних исследований по региону, но и не только, там была и свежая (по тем временам) теоретическая составляющая. Это касалось, прежде всего, теоретического анализа системного и институционального подходов к образованию. Напомню, что 90-е годы проходили под знаком кризиса образования, и тому имелась масса подтверждающих фактов. Вместе с тем, именно эти годы были связаны с появлением принципиально новых, инновационных педагогических парадигм, широким экспериментированием с содержанием образования, методами и технологиями обучения. Именно в эти годы начался бурный, неконтролируемый рост сети филиалов высших учебных заведений в регионах, появлением платных форм высшего образования. Особенно заметно это было в тюменской области, регионе вполне платежеспособном. В 90-е годы на территории региона было около 150 филиалов различных вузов, от столичных, до тюменских. Практически все они готовили менеджеров, экономистов, юристов – независимо от профиля базового вуза. Это – реальная социальная ситуация 90-х.

Мои теоретические изыскания были связаны с выявлением различий между институциональным и системным подходами к исследованию образования. Мне удалось выявить и сформулировать пять базовых институциональных признаков, и применить их к описанию становления системы образования региона. Анализ я проводила с первых примеров опыта систематического обучения, как для коренных народов Севера (XVIII век), так и населения пришлого, укорененного, жителей Сибири. В развитии института образования я использовала методологию Янова А. Л., которая стала известна в нашем профессиональном сообществе в период перестройки. В 1988 г. была издана его книга «Русская идея и 2000 год», где он в методологии «реформа – контрреформа – стагнация» проанализировал историю русских-советских социальных реформ от Ивана Грозного до Михаила Горбачева.

Использование выделенных институциональных признаков для изучения развития региональной системы образования привело меня к двум важнейшим выводам: во-первых, в настоящее время (то время, когда была написана диссертация) ситуация в образовании характеризуется институциональным кризисом и системным обновлением; и во-вторых, методология «реформа – контрреформа – стагнация», прекрасно работает в условиях эволюционного развития, но непригодна для исследования социальных трансформаций. Именно поэтому, анализ развития послеперестроечного образования, т. е. в 90-е годы нужно проводить в методологии постнеклассического системного подхода, т. е. с использованием теории Пригожина, Стенгерс. Здесь снова пригодилось мое естественно-научное образование, т. к. теория диссипативных структур, точки бифуркации, становление порядка из хаоса интерпретировать человеку с гуманитарным мышлением достаточно затруднительно.

Еще один теоретический аспект моей работы был связан с поиском оснований для мониторинга развития образовательных систем на региональном уровне. Я проштудировала огромное количество материалов по образовательной статистике, особенно по земской, дореволюционной школьной статистике. Оказалось, что в последующие годы школьная статистика все время обеднялась, по сравнению с земской, и все более разобщалась. Так, целостную картину о сфере образования в поздний советский период можно было получить, только соединив статистику трех различных ведомств: образования, финансов и здравоохранения. В результате мне удалось предложить обоснование системы мониторинга для развития системы образования в регионе, разработать систему показателей. Кстати, эта часть моей работы особенно понравилась тогдашнему руководителю областного управления образования – Виктору Гавриловичу Новикову и он смог частично внедрить ее в практику. Позднее сам Виктор Гаврилович защитил докторскую диссертацию, в которой влияние моей работы прослеживалось вполне отчетливо, я была оппонентом на его защите.

Многое из того, что было отражено в диссертации, позже было использовано при разработке Программ развития образования в тюменской области. Я участвовала в разработке практически всех программ – от областной, региональной, до отдельных окружных и даже городов области.

Консультантом моей докторской диссертации был Владимир Тимофеевич Лисовский, которого я до сих пор чту как своего учителя. А первым оппонентом – в то время зам. директора ИС РАН – Зинаида Тихоновна Голенкова.

Зинаида Тихоновна вообще очень много сделала для тюменской социологии, многим она в буквальном смысле открыла дорогу, поддерживала огромное количество наших проектов, консультируя их, участвуя в исследованиях.

Твое воспоминание об обработке материалов вручную, а потом – в Минске, может сегодня показаться большинству читателей чем-то исключительным. Но так было. Моя первая в социологии – процентные таблицы для чисел от 1 до 100. Я сделал их на ЭВМ для себя, приходилось небольшие массивы обрабатывать вручную, и когда В.А.Ядов увидел их у меня на столе, попросил их у меня и издал в Институте социологии РАН в виде брошюры. По-моему, это было в 1965 году. В Институте их расхватывали как горячие пирожки в непогоду. Что касается ЭВМ, то ядовский коллектив обрабатывал материалы в Тарту, правда, расстояние между этим эстонским городом и Ленинградом много меньше, чем между Тюменью и Минском. В какие годы вы обрабатывали материалы вручную, какого объема были выборки?

Ты мог для себя написать программу в 1965 году, потому что сам был математиком. Это еще раз подтверждает исторический путь нашей социологии – в ней смогли найти себя представители самых разных наук, а естественно-научное образование никому вообще никогда не повредило. Мне, в более поздний период, когда я уже работала на кафедре социологии в ТГУ, приходилось обращаться на математические кафедры с просьбой разработать программы для обработки социологической информации. Правда, я так и не получила никакого продукта из-за позиции декана мат.фака – он считал, что социологи сами должны для себя создавать такие программы, иначе они никакие не ученые, если не владеют математическим знанием.

Вручную мы обрабатывали анкеты недолго, год-два. При этом выборки были довольно значительные, до 1000 анкет. А в Минск анкеты мы возили в 80-годы. Потом, позднее, когда была открыта кафедра социологии в ТГУ, и мы все перешли в этот университет, мы, наконец, стали обрабатывать информацию на компьютере. Первое профессиональное программное обеспечение мы покупали с Володей Мельником в Вильнюсе у знакомого программиста. Это было сразу после развала СССР, мы поехали на конференцию «за границу». Встречали нас в этом городе тогда весьма недружелюбно, никто не хотел говорить с нами по-русски, на таможне, только что не раздели – такой был досмотр. А мы везли доллары для покупки программы, спрятав их, не буду говорить куда, и очень боялись. Понятно, что в такой ситуации роль контрабандиста досталась мне. Этой программой мы пользовались довольно долго. Потом, через несколько лет, я купила программное обеспечение в свердловском центре социологических исследований. Это был уже профессиональный продукт – Vortex, им пользовались все социологи региона, мы смогли получать сопоставимые файлы, считать коэффициенты, строить графики и проч. Этим продуктом мы пользовались вплоть до приобретения SPSS. Сейчас все наши студенты подробно изучают SPSS, все свои курсовые и дипломные работы должны выполнять с использованием этого пакета.

Почему сейчас ты запрещаешь заниматься студентам ценностными ориентациями молодежи? Мне кажется очень интересно проследить динамику ценностных ориентаций молодежи, ведь эта тема активно разрабатывалась советскими социологами.

Может быть, я слишком резко выразилась – запрещаю. К сожалению, эта тема у студентов и даже аспирантов не только вторая после «влияние Интернет на молодежь», но и в разряде «легких» тем. Каждый второй неграмотный соискатель, приходя на первое собеседование, на вопрос о том, что его интересует в нашей науке, сообщает о готовности исследовать ценностные ориентации молодежи.

На самом деле, эта тема исследовалась и в советской социологии и в западной и особую актуальность приобретает в моменты социальных трансформаций, в турбулентные периоды. Теоретических конструкторов для таких периодов – немного, гораздо меньше, чем для мониторинга ориентаций поколений в условиях стабильного развития. Во второй половине 90-х мы, с моей аспиранткой Н.Трикоз, проводили такие исследования по региону. В основу подхода был положен тогда поколенческий подход и представление об интегрирующих и дифференцирующих поколения ценностях. Тогда, к концу 90-х, мы пришли к выводу, что нет разрыва поколений «отцы – дети», но есть конфликт между поколениями «деды» и поколениями «отцы – дети». Эти результаты были представлены в 2002 году в нашем ведущем журнале «Социологические исследования», №1. Статья называлась «Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход)» и сегодня она относится к числу самых цитируемых по этой проблематике. При этом часто аспиранты ссылаются на нее в своих авторефератах, используя ссылки из других аспирантских авторефератов. Через десять лет другой тюменский аспирант, по этой же методике провел свои исследования в регионе и защитился. Хочется, чтобы понимание сложности этой проблематики сопровождалось не только накоплением эмпирической информации, но и каким-то новым теоретическим подходом.

Я помню, ты возглавляла Центр изучения общественного мнения, он и сейчас существует? Какие темы вы изучаете, кто ваши основные заказчики, сотрудничаете ли вы со средствами массовой информации?

Да, такой центр был, хотя в разные годы назывался по-разному. В ТГУ, после создания кафедры Социологии, я участвовала в проекте центра общественного мнения при Министерстве образования, который возглавлял А. А. Овсянников. Там проводились исследования проблем молодежи и образования на общероссийской выборке, мы проводили исследования не только у себя в регионе, но, в рамках проекта, выезжали «в поля» и в другие регионы. Особенно мне запомнилась одна поездка, не на наши севера, а в Молдавию, в Кишинева. Это было уже достаточно беспокойное время, когда пробуждалось национальное, этническое самосознание в республиках СССР, росло недовольство политикой Центра. Наша командировка продолжалась неделю, мы, с моей аспиранткой, должны были опросить студентов нескольких кишиневских вузов. Помню, те кто нас курировал в городе от проекта, настоятельно рекомендовали нам не гулять вечерами по городу и, по возможности, не говорить по-русски в местах скопления молодежи. Представляли нас студентам, как интервьюеров, на молдавском языке.

Лаборатория была создана сразу, как только мы пришли в ТГНГУ, в 2005 году. Первоначально я сама ее и возглавляла, потом, в связи с большой административной нагрузкой, я отошла от руководства, но не от исследований в этой лаборатории. Сейчас лабораторию изучения общественного мнения в нефтегазо-

вом университете возглавляет мой ученик – Фарахутдинов Шамиль Фаритович, талантливый молодой ученый, кандидат социологических наук. Прежде всего, эта лаборатория работает на университет. Мы очень быстро, практически в первый год, разработали и внедрили полноценную систему мониторинга качества учебно-воспитательного процесса в вузе, базовый инструментарий исследования применяется и сегодня. Кроме того, ведется мониторинг образовательных запросов абитуриентов – тюменских школьников, их родителей. И еще одно направление мониторинга связано с опросами работодателей и выпускников вуза, молодых специалистов. Заказчиками для лаборатории чаще всего сегодня выступают региональные и муниципальные властные структуры (если мы выигрываем в открытых конкурсах, котировках участие в которых – условие заказа). Если заказчики не возражают, то материалы мы, конечно, публикуем. Чаще в научной печати, реже – в СМИ.

Ты всегда хотела преподавать... тебе и сейчас это нравится? Сначала о том, какие курсы ты читаешь сейчас? Как бы ты оценила интерес к социологии, вовлеченность в учебу сегодняшних студентов и тех, кто учился в начале века? Мне приходится слышать разные точки зрения.

«Родилась с указкой в руке» – так отозвалась обо мне руководитель моей первой педагогической практики в школе. Именно так многие годы я себя и ощущаю. Не случайно, моя первая диссертация была связана именно с процессом обучения. А в таком богатом предмете преподавания как философия, трудно не найти способов увлечь ею студентов. За годы работы я читала разные курсы, сегодня у меня их четыре: социология молодежи; социология образования; социология науки и научно-исследовательский семинар с магистрантами. Конечно, есть курсовые и дипломные работы, аспиранты и соискатели.

Что касается сегодняшней системы образования в высшей школе – это большая тема для многих вузовских преподавателей. И это не относится к позиции студентов. И в прошлом веке и сегодня большинство абитуриентов не знают, чему они пришли учиться – школьная подготовка по-прежнему стороной обходит сущность нашего предмета. Некоторую, меньшую часть, привлекают действительно потребности узнать что-то об обществе, а большинство просто приходят методом исключения: я не хочу быть инженером, историком, филологом – пойду в социологи. Привлекает абитуриентов сегодня и легкие вступительные испытания, кроме обязательных ЕГЭ по математике и русскому языку, от абитуриентов требуется сдать обществознание. Ругать молодежь – последнее дело, я и раньше, и сейчас считаю студентов – лучшей частью человечества. Конечно, современные студенты очень сильно отличаются даже от молодежи десятилетней давности. Это полностью поколение видеокультуры, Интернет. Они легко и свободно ориентируются в поиске информации, легко могут ее спрятать. А что еще с ней можно делать – понимают с трудом. К сожалению, навыки систематизации, анализа, обобщения с каждым новым поколением слабеют, исчезают. Даже простейшие операции сравнения – трудны для большей части современных студентов. Большой проблемой для сегодняшних студентов становится устная речь, добиться связного, логичного, аргументированного рассказа о чем-либо – практически невозможно. Я считаю это прямым следствием десятилетнего внедрения в нашу школу ЕГЭ. К сожалению, мы взяли из

неплохой идеи самое худшее, самую примитивную технологию – тестирование как единственный способ контроля результатов обучения. Сегодня студенты – это выпускники школы тестов. Они готовы угадывать из четырех предложенных вариантов, но боятся и не хотят формулировать даже неправильный ответ и, что самое опасное для социолога – совершенно не умеют задавать вопросы. Думаю, никакой вины молодежи в этом нет, ведь им не с чем сравнивать, они учились в той школе, которую создали для них мы.

Вера, ты знаешь, наша беседа – элемент историко-социологического проекта, в значительной мере обращенного не к сегодняшним нашим коллегам, они сами многое наблюдают и знают, а к тем, кто будет работать после нас, и к историкам социологии. Не могла бы ты, пусть кратко, описать деятельность различных категорий преподавателей в часах и отношении общества к их труду в рублях.

Тема эта непроста для современников и вряд ли будет понятна потомкам. Если сейчас спросить, сколько стоил билет на самолет от Тюмени до Ленинграда в 1975 году, то цифра 16 рублей ничего современному человеку не скажет. Мое поколение может что-то с чем-то сравнить, исходя из оценки качества жизни, профессионального опыта. Провести сравнение по этому показателю с советским периодом корректно можно с некоторой погрешностью. Во времена моей юности шкала престижности и шкала качества жизни совпадали: ассистент начинал свою карьеру с аудиторной нагрузкой 550 в год и заработной платой 120 руб. в месяц. Такую же зар/плату – 120 руб. получал рядовой инженер на промышленном предприятии. С годами число «горловых» часов уменьшалось, а зар/плата росла. Так, доцент уже мог рассчитывать на твердые 320 руб. (а если еще 0,5 ставки по хоздоговорной теме, то – 500 руб. Больше этого получал только сварщик на трубопроводе). У профессора было не более 250 аудиторных часов в год. Конечно, аспиранты, дипломники, научная работа. Различия между вузами – не было, ставки были общими для всех преподавателей.

Сегодня различия в объеме учебной нагрузки и уровне заработной платы есть не только между столичными и провинциальными вузами, но даже внутри одного вуза. Министерство образования и науки устанавливает (рекомендательно) объем учебной нагрузки для категорий научно-педагогических работников, дальше каждый вуз принимает собственные нормы ее расчета. По этим нормам сегодня профессор должен читать не менее 120 часов лекций в год. Остальная часть нагрузки складывается из других видов (семинаров, студенческих практик, дипломников, руководство аспирантами, зачетов, и проч.). Здесь есть принципиальные различия между профессорами, работающими на выпускающей и невыпускающей, сервисной кафедре. На кафедрах, где нет «своих» студентов, нет ни дипломных работ, ни практик. Таким образом, преподаватель такой кафедры все свои часы выполняет в аудитории. Общий объем годовой нагрузки для профессора – 700 часов в год. На 1 ставку устанавливается должностной оклад. В нашем университете это 30 тыс. руб в месяц. Это, так называемая, базовая часть зар/платы. К ней возможны персональные надбавки.

Вообще опрос об оплате труда и его интенсивности – больной для современной профессуры. Но он, к счастью, не главный для состоявшихся профессионалов. Старшее поколение понимает, что ценность профессии не определяется объемом дохода, тем более и в других странах преподаватели вузов – не

самая состоятельная часть населения. Труднее с молодыми преподавателями. Критическая точка 5–7 лет работы в вузе, после этого подросшая профессионально молодежь начинает массово уходить из высшей школы, в бизнес, в политику и т.п. При этом, престижность профессии преподавателя вуза по-прежнему достаточно высока.

Спасибо, Вера, коротко, но выпукло. Буду тебе благодарен, если ты охарактеризуешь ситуацию с публикациями, особенно книжными и учебниками, а также скажешь о возможности преподавателей участвовать в конференциях в стране.

К счастью, возможностей для публикации собственных результатов исследования сегодня вполне достаточно, это доступно и профессору и молодому аспиранту. Практически в каждом вузе есть собственное научное издательство, ведущие университеты, в том числе и в регионах, имеют свои периодические издания – журналы. Некоторые из этих журналов, так называемые «рецензируемые», входят в особые списки, утверждаемые ВАК Министерства образования и науки РФ. В тюменском государственном нефтегазовом университете есть такой журнал – «Социология. Экономика. Политика.» Статьи, опубликованные в этих журналах, учитываются при защите кандидатских и докторских диссертаций. Очень помогают и профессиональные сетевые журналы, новые исследования там появляются более оперативно, материалы этих журналов доступны и востребованы. Кроме того, многие исследователи сегодня могут публиковать свои статьи и в журналах зарубежных, все зависит только от качества материала. К сожалению, в нашей стране только один социологический журнал – «Социологические исследования» включен с перечень Scopus, но его читают все российские социологи. Опубликовать свою статью в СоцИС – мечта любого социолога. Учебников и учебных пособий, на мой взгляд, сегодня даже переизбыток. Начиная с 90-х годов, когда не было никаких образовательных стандартов в вузе и с началом формирования новых образовательных стандартов, мода на написание авторских учебных пособий и разнообразных учебников охватила всю страну. Не было вуза, кафедры, где бы социологи ни пытались выдать свой курс лекций за учебник. К сожалению, это привело не столько к появлению нового поколения учебной и методической литературы, а к массовой дезориентации студентов и преподавателей в теоретических основаниях науки, трактовке базовых понятий, размыванию категориального поля науки. Я уже не говорю о громких скандалах этого времени, когда за «новыми» учебниками был просто сканер, или распечатки из бездонных глубин Интернета.

Что касается конференций, то здесь сегодня также все доступно. К сожалению, есть проблема, ограничивающая доступность живого участия в них. Это проблема финансовая. Практически все материалы конференций сегодня издаются за счет авторов, а выше я уже говорила о доходах вузовских социологов. Поехать же на конференцию в другой город, не говоря уже о другой стране – для провинциального социолога крайне сложно. Например, любая зарубежная командировка возможна только с разрешения ректора вуза. Многие конференции сегодня проводятся либо в заочной форме, либо в сетевом режиме. Последняя форма активно продвигается в сообществе, мы тоже проводили такие. Помню один такой круглый стол, в котором приняли участие ведущие московские

социологи, даже В.Я.Ядов, и ученые из вуза центральной России. К сожалению, пока больше трех точек охватить невозможно, из-за технических условий. Тем не менее, удастся в наиболее крупных и значимых событиях участвовать, прежде всего – социологические Конгрессы, Уральские социологические чтения и т.п.

И еще вопрос: об участии, скажем, тюменских социологов в зарубежных проектах, о поездках на конференции, стажировках для студентов, аспирантов...

По поводу зарубежных контактов – да, это в зоне внимания вузов и социологи здесь не среди отстающих. Достаточно устойчивые контакты у нас сложились с университетом из маленького города Люнебург, в Германии. Мы, при поддержке западных грантов, реализовали несколько совместных проектов – исследовательских, методических, связанных с повышением квалификации и обменом опытом. Кроме того, наши преподаватели участвовали в такой же работе с одним из университетов Канады. К сожалению, сегодня эти связи прерваны, в силу политических и экономических причин. Для студентов и аспирантов – это просто нереально, т.к. зарубежные стажировки и академическая мобильность слишком затратны для нашей молодежи. Семьи наших студентов, а это, в основном, работники бюджетной сферы, не в состоянии финансировать обучение своих детей за рубежом.

Помнишь, Вера, вопрос на удовлетворенность профессией, работой: «Хотели бы Вы, чтобы кто-либо из Ваших детей работал по Вашей профессии?». Твоя дочь, Татьяна, стала социологом. Это ее собственное решение или ты ее активно агитировала? Не согласилась бы ты рассказать, когда она сделала свой профессиональный выбор, где получила профессию социолога? Если я не ошибаюсь, она либо учится в аспирантуре, либо уже защитила кандидатскую диссертацию. Это так? Каковы ее научные интересы?

Трудно писать о собственном ребенке не употребляя превосходные степени, постараюсь избежать этого. Татьяна росла домашним ребенком, очень рано узнала буквы, простейшие арифметические действия, географическую карту. Это было такое шоу, когда к нам приходили гости, она, трехлетний ребенок, с удовольствием демонстрировала на большой карте мира, где находится Китай, Венгрия и т. п. Читать я ее специально не учила, играя в кубики, мы запоминали буквы, а когда я читала ей книжки, она все время просила – «води пальчиком по строчке ..». Что происходило у нее в это время в голове, мне до сих пор не ясно. Только позже я поняла, что таким варварским способом я научила ее читать, вопреки всем методикам, минуя сложения слова из слога. Ей было четыре года, когда она впервые прочитала сама название книги, и я думаю, что это была судьба. Я сидела с книгой, когда она подошла и спросила – «что ты читаешь, мама?». Я ей серьезно так отвечаю – ты же знаешь буквы, посмотри сама, как называется книга. Тогда она, медленно ведя пальчиком, прочла «Рабочая книга социолога». Я была поражена, а ей сказала, что пора, Таня, тебе записываться в библиотеку. И мы действительно пошли в библиотеку, записались. Она с большим удовольствием ходила выбирать книги, библиотекари с неменьшим удовольствием обсуждали с ней прочитанное, советовали, что еще почитать.

Профессиональный выбор она сделала сама, я старалась не давить на нее. Как у всех детей, ее взгляды сильно менялись в этом отношении. Где-то в классе 5–6, Татьяна говорила, что будет ветеринаром или кинологом, знала все породы собак и кошек, завела себе тетрадки с записями, вырезками, собственными мыслями о животных и вела их довольно долго. У нас дома были хомячки, кошки и даже (очень недолго) собака. В подростковом возрасте появились стихи, музыка, театр. Кстати, по поводу театра. В какой-то период, еще до школы, она мне заявила, что кукольный театр ей уже неинтересен, пора ходить во «взрослый» театр. В школе ее все время привлекали к проведению всевозможным опросов (знали, что мама – социолог), я старалась, чтобы она сама осваивала все процедуры, только подсказывая и корректируя ее инструментарий. К страшим классам Татьяна определилась с профессиональным выбором, решила поступать на журналистику. Я приняла этот ее выбор, хотя понимала, что ее способности, направленность связаны с наукой. Изменила она решение тоже сама, под влиянием ее одноклассника, очень умного, но сильно пьющего парня. Мальчик всерьез интересовался философией, очень много читал, имел вполне взрослый взгляд на жизнь. Он сказал Татьяне: «с твоим прямолинейным характером тебе в журналистике делать нечего, там надо уметь прогнуться, правду писать – не дадут, тебя либо сразу выгонят, либо убьют». Это было начало 2000-х годов...

К окончанию школы, Татьяна определилась окончательно с выбором, поступила в тюменский государственный университет, на социологию. Первые три курса она закончила в ТГУ, а потом продолжила образование в РГГУ, в Москве. Социологический факультет российского государственного гуманитарного университета в то время (да и сейчас, я считаю), одним из лучших факультетов в стране. Среди ее учителей были крупные ученые, исследователи с именами и просто очень крепкие профессионалы. Возглавлял факультет член-корреспондент РАН Тощенко Жан Терентьевич. Научная среда, уровень требований к студентам сильно отличались от тюменского. Среди преподавателей были Н. Е. Покровский, Е. А. Гришина, Вдовиченко Л. Н., Татарова Г. Г., Романовский Н. В., Буланова М. Б, Великая Н. М., С. Н. Майорова – Щеглова, Левичева В. Ф., Адилова Л. Ф., Щербина В. В. Да и сама московская жизнь для молодого человека из провинции – бесценный опыт.

После защиты диплома с отличием, Татьяна поступила в аспирантуру РГГУ. Ее руководителем была Галина Галеевна Татарова – крупнейший методолог, методист, тогда – главный редактор журнала «Социология 4М». Галина Галеевна уже после защиты сказала, что не хотела брать аспиранта из семьи профессора-социолога. Мне же она сразу, когда Татьяна поступала в аспирантуру, сказала, чтобы я не вмешивалась в их совместную работу, и я правда не вмешивалась. Защитила диссертацию Татьяна в октябре 2010 года, через две недели после своего 25 дня рождения в Совете РГГУ. Диссертация ее называлась «Молодежные субкультуры: основания типологизации». Эмпирические материалы для своей работы Татьяна собирала в Москве, Тюмени, Берлине. Позднее работу опубликовали в виде монографии, сейчас на нее уже ссылаются. Сегодня Татьяна Гаврилюк – доцент кафедры социологии Тюменского государственного нефтегазового университета, читает базовые учебные курсы у социологов (бакалавров и магистров): социологические теории, историю социологии, качественные методы, социологию культуры, социологию искусства и др. Сейчас ее научные

интересы связаны с социологией искусства. Она утверждает, что старые, советские подходы в этой отраслевой социологии сегодня не работают, а новые – не сложились. В плане теории и методологии исследования этой сферы нашей действительности сегодня у нас большое белое пятно. Надеюсь, что это поколение социологов, не скованное рамками идеологических шор, сможет, наконец, сказать свое собственное слово в науке.

Ну что же, Вера, будем думать, складывается социологическая династия... успехов тебе и Татьяне. Спасибо.